

ПИТЕР МЕЙЛ

Лирическая и остроумная ода Провансу.

Barnes & Noble

Прованс навсегда

Прованс

Питер Мейл
Прованс навсегда

«Азбука-Аттикус»

1991

Мейл П.

Прованс навсегда / П. Мейл — «Азбука-Аттикус»,
1991 — (Прованс)

Питер Мейл прославился на весь мир, когда, оставив размеренную жизнь и успешный рекламный бизнес, уехал на юг Франции, в край, который полюбил всем сердцем и которому посвятил так много прекрасных книг, ставших международными бестселлерами. Он создал своеобразную историю Прованса в романах, художественных путеводителях и энциклопедиях. «Прованс навсегда» – еще одна трогательная, забавная и увлекательная история, в которой автор с юмором и любовью показывает жизнь благословенной французской провинции. Это очаровательный портрет гостеприимной, добродушной и щедрой местности, которая умеет радовать не только гастрономическими изысками, но и дарить незабываемое душевное тепло. И этим теплом и сиянием юга согреты все книги Питера Мейла.

© Мейл П., 1991

© Азбука-Аттикус, 1991

Содержание

Les invalides[2]	6
Английский écrevisse[20]	11
Бой	16
За пятьдесят без превышения скоростного лимита	20
Поющие жабы святого Панталеона	25
«Шатонеф-дю-Пап» не сплевывать!	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Питер Мейл

Прованс навсегда

Дженни, как всегда, а также всем друзьям и доброжелательным помощникам – Мишелю из Шатонефа, Мишелю из Кабриера, соседям Анриетт и Фостену, охотнику за трюфелями Алену, Кристоферу, Катрин, Бернару – mille mercis!

Peter Mayle

TOUJOURS PROVENCE

Copyright © 1991 Escargot Productions Ltd.

All rights reserved

© Ю. Балаян, перевод, 2015

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

Les invalides²

Съездил я однажды в Апт, в аптеку, купил там зубную пасту и масло для загара, совершенно невинные припасы для абсолютно здоровых людей. Вернувшись домой и вынув их из пакетика, я обнаружил, что девушка-провизор добавила к покупке весьма познавательный, но несколько озадачивающий информационный материал: роскошно отпечатанную красочную рекламную листовку. Главным героем иллюстрации оказалась восседающая на унитазах улитка. Поникшие рога, потухший взор, обвисшие щеки... Выражение физиономии и осанка улитки красноречиво свидетельствовали, что несчастное существо уже приросло к сангигиеническому приспособлению, тщетно пытаясь достичь какого-либо, извините, результата. Надпись над картинкой гласила: *La Constipation*. (Запор.)

Чем заслужил я такую честь? Неужто у меня столь натужное обличье? Или моя покупка – зубная паста и масло для загара – подсказала опытному глазу фармацевта, что пищеварительный тракт у меня не в порядке? Может быть, мадемуазель прозрела нечто сокровенное от взгляда моего? Я принялся за чтение рекламы.

«Нет явления более банального и широко распространенного, чем запор». Такими словами начинался текст, согласно содержанию которого около двадцати процентов населения Франции страдали от *ballonnement* и *gêne abdominale*, то есть от вздутия живота и иных желудочно-кишечных расстройств. Однако, с точки зрения наблюдателя, менее подкованного в медицине, нежели ученый автор листовки, прохожие на улицах, посетители кафе и баров – и даже ресторанов – отнюдь не проявляли признаков мучившего их *ballonnement*, дважды в день беззаботно приступая к весьма масштабным трапезам. Или же они проявляли завидную стойкость и выдержку перед лицом грозного недуга.

Я всегда считал Прованс одной из наиболее здоровых местностей мира. Воздух чист, климат сух, фрукты и овощи в изобилии, готовят здесь на оливковом масле, слова «стресс» не знают, что это такое, не ведают – трудно найти сочетание более благоприятных факторов в таком изобилии. И народ выглядит очень неплохо. Но если двадцать процентов этих здоровяков, на аппетит не жалующихся, страдают от заторов в *transit intestinal*³, какие еще недуги в них таятся? Я решил обратиться к теме заболеваний, характерных для данной местности, и борьбы с ними. Постепенно выяснилось, что действительно некое недомогание весьма распространено здесь, да, похоже, и по всей стране. Имя этой хвори – ипохондрия.

Французы никогда не чувствуют себя плохо, однако частенько случаются у них всякого рода *crises*, то есть они «переживают кризисы». К наиболее популярным у населения можно отнести *crise de foie*⁴, при котором печень наконец восстает против постоянной бомбардировки пастисом, трапезами из пяти блюд, рюмашками виноградной водки *marc* и бокалами *vin d'honneur*⁵, по случаю... впрочем, всех случаев не перечислить: от открытия автомобильного салона до ежегодного съезда деревенской ячейки коммунистической партии. Самый простой вариант лечения – воздержание и промывание организма минеральной водой – в расчет обычно не принимается, ибо недостаточно подчеркивает тяжесть ситуации. Обычно страдалец отправляется в аптеку и консультируется с доброжелательным и предупредительным экспертом в белом халате, сочувственно улыбающимся ему из-за прилавка.

Когда-то я удивлялся, для чего в большинстве аптек между бандажами и наборами для исцеления целлюлита рядком выставлены стулья. Теперь понял: для того чтобы удобнее дожи-

² Калеки (фр.).

³ Здесь: кишечный транзит (фр.).

⁴ Печеночные колики (фр.).

⁵ Здесь: честное вино (фр.).

даться, пока месье N. покончит с перечислением донимающих его недугов, сопровождаемым потиранием воспаленного горла, чувствительной почки, заснувшей кишки либо иного взбунтовавшегося места любимого организма, а также с рассказом о том, как дошел он до жизни такой. Фармацевт терпеливо слушает, иногда кивает, иной раз и вопрос задаст, затем предлагает ряд вариантов исцеления, предъявляет страдальцу красивые упаковки с таблетками, пилюлями, ампулами, флакончиками. Обсуждение достигает следующей стадии, приводит к принятию решения, и вот уже месье N. аккуратно складывает листочки, дающие ему право требовать от системы социального страхования возврата большей части затраченных на лекарства средств. Каких-нибудь пятнадцать-двадцать минут – и вы можете пересесть на следующий стул.

Посещение аптеки – привилегия наиболее крепких из заболевших. Для серьезно заболевших – или вообразивших себя тяжелобольными – даже в самом глухом захолустье вроде нашего существует сеть первой помощи, поражающая приезжающих из крупных городов, где лишь миллионер может позволить себе поболеть с комфортом. Все городки и большинство деревень могут похвастаться своими круглосуточными службами скорой помощи. Дипломированные медсестры приходят на дом. Врачи (!) посещают на дому. Слышанное ли дело в Лондоне?

Непродолжительный, но интенсивный контакт с французской системой здравоохранения мы пережили в начале прошлого лета. В роли подопытного кролика выступил Бенсон, молодой американец, впервые попавший в Европу. Когда я увидел его на железнодорожном вокзале в Авиньоне, он прохрипел: «Хелло», закашлялся, прижал ко рту платок. Я участливо осведомился, что с ним.

Он ткнул большим пальцем в свое сипящее горло.

– Моно, – изрек он.

Моно?.. Я, разумеется, не понял, но и не удивился. Ведь известно, что у американцев болезни куда сложнее наших. Вместо синяков у них гематомы, голова у них никогда не болит, но зато то и дело донимает мигрень, а вместо вульгарного насморка обычно воспаляется носоглотка. Поэтому я примирительно пробормотал, что наш свежий воздух скоро все излечит, и усадил гостя в машину. По дороге я узнал, что «моно» означает фамильярное прозвище мононуклеоза – вирусной инфекции, вызывающей неприятные ощущения в горле.

– Как битое стекло... – просипел страдалец из-под платка и темных очков. – Надо брату в Бруклин брякнуть, он врач...

Дома мы обнаружили, что телефон не работает. Начинаясь удлиненный праздничный уик-энд, так что по меньшей мере три дня нам предстояло прожить без телефона. Оно бы только в радость, но контакт с Бруклином – дело святое. Ибо существует какое-то средство против «моно», настоящее, научное, современное. Я отправился к телефонной будке в Ле-Бомет и кормил ее пятифранковыми монетами, пока в какой-то бруклинской больнице искали брата Бенсона. Тот сообщил мне название чудо-лекарства, и я позвонил заодно и здешнему врачу, попросил навестить больного.

Врач прибыл в течение часа и осмотрел страдальца, скрывшегося от дневного света в затемненной комнате, но оставшегося на всякий случай в темных очках.

– *Alors, monsieur...*⁶ – начал доктор, но Бенсон сразу его прервал:

– Моно. – И он повторил указующий жест большим пальцем.

– *Comment?*⁷

– *Моно. Мононуклеоз.*

– *Ah, mononucléose. Peut-être, peut-être*⁸.

---

⁶ Итак, месье... (фр.)

⁷ Как? (фр.)

⁸ А, мононуклеоз. Возможно, возможно (фр.).

Врач осмотрел горло, достал тампон, взял мазок на анализ. Науке предстояло сказать свое веское слово. А теперь не соблаговолит ли месье спустить брюки? Бенсон нерешительно принялся сдирать с бедер прилипшие к коже джинсы от Келвина Кляйна, исподлобья стреляя глазом на появившийся в руках врача одноразовый шприц.

– Скажите ему, что у меня почти на все антибиотики аллергия. Ему надо с моим братом потолковать.

– *Comment?*

Я объяснил проблему и спросил, не скрывает ли докторский саквояж чудо-лекарства. Нет, не скрывает. Мы с врачом переговаривались, разделенные обнаженными ягодичками Бенсона, содрогавшимися от надрывного кашля. Врач сообщил, что больному следует ввести что-то, сдерживающее воспалительный процесс, что побочные явления от этого укола крайне маловероятны. Я передал информацию Бенсону.

– Ладно, пусть колет...

Он подставил цель, и доктор жестом матадора всадил ему шприц в мягкое место.

– *Voilà!*

Бенсон ревниво прислушивался к реакции организма на укол, оглядываясь в поисках надежного места приземления на случай внезапной потери сознания, а врач сказал мне, что закажет посещение медсестры, два укола в день до субботы, когда поступят результаты анализа и можно будет прописать нужное средство. Он пожелал нам *bonne soirée*⁹, на что Бенсон ответил залпом из-под носового платка. Я подумал, что *soirée* вряд ли окажется *bonne*.

Сестра посещала пациента согласно обещанию врача, в субботу поступили результаты анализа. «Молодой месье» оказался прав. Его донимал *mononucléose*, с которым предстояло справиться славной французской медицине. Доктор, движимый поэтическим вдохновением, настроил рецепт, еще один, еще... Готовилось массированное наступление фармакопии на мононуклеоз Бенсона. Врач передал мне стопку рецептов и пожелал *bon* уик-энда, что также представлялось маловероятным.

Воскресенье, праздник – не самое удобное время для посещения аптеки в сельской Франции. Единственной доступной в округе оказалась *pharmacie de garde* (дежурная аптека), на окраине Кавайона. Я прибыл туда в половине девятого и застал перед закрытой дверью господина со стопкой рецептов, почти столь же толстой, как и у меня. Мы вместе полюбовались вывешенной за дверным стеклом табличкой. Открыться обещали в десять.

Мужчина вздохнул, оглядел меня с головы до ног и осведомился, что у меня болит.

Выяснил, что я забочусь о знакомом, кивнул и сообщил, что сам он страдает артрозом левого плеча, а на ногах у него завелся злобный грибок. Стоять полтора часа на усиливающейся жаре ему не хотелось, он опустил на мостовую, уселся поудобнее, принялся за изучение своих рецептов. Том первый, глава первая. Я решил отправиться куда-нибудь позавтракать.

– Не задерживайтесь, – посоветовал мужчина, отрываясь от рецептов. – Народу наберется тьма.

Откуда ему знать? Неужели воскресное утро – такое уж привлекательное время для посещения аптеки? Я поблагодарил его, но советом пренебрег и провел время в кафе, уткнувшись в старый номер «*Le Provençal*».

Вернувшись к десяти, я застал перед дверьми аптеки *le tout Cavaillon* (весь Кавайон). Десятки обладателей толстых пачек медицинских предписаний оживленно гудели и ворчали, обмениваясь своими симптомами с азартом рыбаков, обсуждающих удачный улов. Месье *Angine* хвастался воспаленным горлом. Мадам *Varice* парировала захватывающей историей своих варикозных конечностей. Недужные и увечные бодро болтали, не забывая поглядывать на часы и подтягиваясь все ближе к запертой двери. Наконец под нестройный аккомпанемент

---

⁹ Добрый вечер (*фр.*).

«*enfin*» и «*die arrive*»¹⁰ из глубин аптеки появилась молодая леди. Она открыла дверь и отскочила в сторонку, избегая хлынувшей внутрь толпы. Не в первый раз я убедился, что англосаксонская привычка упорядоченной очереди Франции чужда.

Прошло около получаса, прежде чем я, воспользовавшись увлеченностью присутствующих рукопашной схваткой, изловчился и использовал возникшую брешь, сунув свою пачку в окошечко. Провизор подхватила полиэтиленовый фирменный пакетик и принялась заполнять его коробками и флаконами, штампуя рецепты, оставляя копию себе и возвращая оригинал мне. Пакет почти заполнился, когда она вдруг исчезла на пять минут, по возвращении же констатировала, что запас одного из средств у них исчерпан, мне придется поискать это лекарство в других аптеках. Однако чуть не лопающийся от веса лекарств сверток, казалось, смог бы поднять на ноги полк после кровопролитного сражения.

Бенсон принялся увлеченно сосать, глотать, вдыхать, добросовестно трудился над всем меню. На следующее утро он уже ощутил в себе силы сопровождать нас в аптеку в Менерб, дабы добыть последнее из прописанных лекарств.

Там уже находился один из деревенских старожил, ожидая свой пакет с волшебными средствами. Заинтересовавшись, какие экзотические болезни донимают чужестранцев, старик не торопился покинуть свой насест. Он направил нос в нашу сторону и замер, наблюдая за поисками нужного нам зелья.

Аптекарь открыла упаковку, вынула оттуда предмет размером с солидную таблетку Алка-Зельцер и подняла на уровень носа Бенсона.

– *Deux fois par jour*¹¹.

Бенсон ошалело замотал головой.

– Такая здоровенная... Мне не проглотить.

Мы перевели его реакцию аптекарю, но, прежде чем она смогла ответить, старик разразился скрипучим хохотом и чуть не рухнул с табурета вместе со своим свертком. Бедняга корчился и утирал глаза тыльной стороной узловатой кисти.

Госпожа фармацевт улыбнулась и слегка покачала перед носом Бенсона таблеткой, вызвавшей столь бурную реакцию.

– *C'est un suppositoire*¹².

Бенсон по-прежнему ничего не понимал. Дед, все еще смеясь, сполз с табурета, подошел к нам и вынул суппозиторий из пальцев провизора.

– *Regardez*, – обратился он к Бенсону, – *on fait comme ça*¹³.

Шагнув в сторону, чтобы обеспечить себе простор движений, он согнулся, подняв свечу над головой, и, совершив размашистую дугу, всадил ее себе в штаны на заднице.

– Чпок! – смачно комментировал он жест, выпрямился и уставился на Бенсона. – *Vous voyez?*¹⁴

– В ж... В задницу? – Бенсон не мог этого постичь. – Во дают!.. – От неожиданности он даже очки от солнца снял и на всякий случай отступил на пару шагов. – У нас так не делают.

Мы попытались втолковать ему, что анальная свеча – очень эффективный способ введения медикамента непосредственно в кровоток, но сомнений его не рассеяли. Когда мы добавили, что уж горлу-то этот способ введения никак не повредит, он не развеселился. Я постарался тогда представить – и пытался вообразить впоследствии, – что он расскажет своему брату-врачу в Бруклине.

---

¹⁰ Наконец, идет (*фр.*)

¹¹ Два раза в день (*фр.*)

¹² Это свеча (*фр.*)

¹³ Глянь, во как это делается (*фр.*)

¹⁴ Видите? (*фр.*)

Вскоре после визита в аптеку с Бенсоном я встретил в лесу соседа Массо и рассказал ему об инциденте. Он признал курьезность этого происшествия, но тут же припомнил эпизод, исполненный истинного драматизма, случившийся с человеком, который отправился в больницу, чтобы вырезать аппендикс, а очнулся от наркоза с ампутированной левой ногой. *Beh oui.*

У меня автоматически вырвалось, что это невозможно, на что Массо печально покачал головой.

– Если я заболею, к врачам обращаться не буду. Пойду лучше к коновалу. С ветеринарами знаешь, что к чему. А врачи – нет у меня им веры.

К счастью, представление Массо о французской медицине настолько же мало отвечает действительному положению вещей, как и большинство остальных его воззрений и убеждений. Возможно, есть в Провансе рьяные врачи-ампутанты, но мы с такими ни разу не сталкивались. Собственно, кроме случая с моноклеозом, мы лишь раз за все время контактировали с врачом, да и то чтобы преодолеть острый приступ «бюрократита».

Горы бумаг пришлось нам переворошить, чтобы получить наши *cartes de séjour* – удостоверения иностранцев на право проживания во Франции. В мэрию, в *prefecture de police*, в налоговую службу, опять в мэрию... Везде требовалась еще одна бумага, последняя, окончательная, которую, *naturellement*¹⁵, следовало получить в ином месте. Наконец, когда мы уже твердо верили, что все пути исхожены, все сертификаты, аттестаты, декларации, анкеты, фото нами собраны, мы, торжествующие, отправились в мэрию.

Наши досье тщательно проверили. Казалось, все в полном порядке. Мы не представляли угрозы для французской государственности. Не связаны с уголовным миром. Не собирались мы и конкурировать с французскими трудящимися на рынке труда. *Bon. Very good*¹⁶. Отлично. Наши папки закрылись, можно вздохнуть с облегчением.

Однако секретарь мэрии, мило улыбнувшись, достает еще два формуляра. Необходимо еще медицинское заключение. Что вы здоровы телом и духом. Доктор Фенелон в Боньё очень быстро завершит все формальности.

И мы отправились в Боньё.

Доктор Фенелон оказался воплощением доброжелательности. Он быстро просветил нас рентгеном, заполнил наши анкеты. Мы ведь не сумасшедшие? Прекрасно. Он нам охотно верит. Эпилепсией не страдаем? Нет. Наркотики? Алкоголизм? Головокружения, внезапная потеря сознания? Я ожидал вопроса о деятельности кишечника – из чувства тревоги о предохранении от роста численности страдающих запором, – но его иммиграционные службы почему-то оставили без внимания. Мы подписали свои анкеты. Доктор Фенелон тоже их подписал. Затем он открыл ящик стола и вынул еще два листа.

Доктор Фенелон улыбнулся с извиняющимся видом.

– *Bien sûr, vous n'avez pas le problème, mais...*¹⁷ – Он пожал плечами и объяснил, что нам следует отправиться в Кавайон и сдать кровь на анализ, чтобы получить наши *certificats sanitaires*¹⁸.

Мы поинтересовались, берется ли анализ на что-то определенное.

– *Ah, oui...* – Он снова пожал плечами и вздохнул: – *La syphilis*¹⁹.

---

¹⁵ Естественно (*фр.*).

¹⁶ Хорошо (*фр.*); очень хорошо (*англ.*).

¹⁷ Конечно, у вас все в порядке, но... (*фр.*)

¹⁸ Медицинские свидетельства (*фр.*).

¹⁹ О, да... Сифилис (*фр.*).

Английский *écrevisse*²⁰

«Сочинительство – жизнь собачья, но единственная, которой стоит жить».

Это высказывание Флобера невольно приходит в голову, если проводишь день за днем в попытках упорядоченно выстроить слова на бумаге. Занятие это чаще всего одинокое и монотонное. Порой усилия вознаграждает удачная фраза. То есть фраза, кажущаяся вам удачной, ибо подтверждений со стороны вы в момент создания ее не получаете. После длительных периодов бесплодия вы решаетесь сменить род занятий, обратиться к чему-либо более существенному и значимому – например, стать дипломированным бухгалтером. Мучают страхи, что написанное вами никого не заинтересует, охватывает паника от нарушения вами же установленных сроков, а также разочарование тем, что нарушение этих сроков никого, кроме вас, не волнует. Тысяча слов в день или чистый лист – тоже никого не трогает. Перечисленное, без сомнения, делает жизнь собачьей.

Убеждает в том, что так жить все же стоит, счастливое открытие того, что ты, оказываясь, развлекал продуктом своего труда в течение нескольких часов жизни какого-то неизвестного тебе человека. А если вдруг эти незнакомцы начинают тебе писать, то их письма воспринимаешь как аплодисменты. Получение такого письма компенсирует все издержки; мысли о бухгалтерском учете забываются, сменяются размышлениями о новой книге.

Первое письмо я получил после опубликования в апреле «Года в Провансе». Пришло оно из Люксембурга, вежливое, приветливое, полное комплиментов. Я его целый день перечитывал. Автор следующего письма, человек практичный, просил совета по выращиванию трюфелей в Новой Зеландии. Затем письма образовали ручеек со многими истоками: из Лондона, из Пекина, из Квинсленда, из исправительного заведения Ее Величества Вермвуд-Скрабса, от экспатриантов, осевших на Ривьере, с пустошей Уилтшира, с холмов Суррея... Некоторые на голубой тисненой бумаге с водяными знаками, другие на листках, вырванных из учебных тетрадок, одно на обратной стороне карты лондонской подземки. Адресация писем заставляла почтовиков применять дедуктивный метод. Письмо, направленное англичанам в Боньё, нашло нас, хотя жили мы не в Боньё. Но в чемпионы я произвел адрес «*L'écrevisse Anglais*, Менерб, Прованс»²¹.

Письма ободряли, льстили самолюбию, и, если на них имелся обратный адрес, я отвечал, считая, что на этом все и закончится. Однако ошибся. Вскоре мы заняли незаслуженное положение абсолютных знатоков жизни Прованса. У нас просили совета по поводу покупки дома, спрашивали, как найти сиделку для ребенка. Из Мемфиса позвонила женщина, чтобы поинтересоваться, как в Провансе обстановка с преступностью. Фотограф из Эссекса спросил, сможет ли он заработать на жизнь, фотографируя в Любероне. Супружеские пары, собираясь переселиться сюда, присылали вопросники на нескольких страницах. Смогут ли их дети приспособиться к программе местной школы? Во что обходится жизнь? Как в Провансе с медициной? Высоки ли налоги? Не мучает ли одиночество? Обретут ли они счастье? Мы отвечали как могли, хотя чувствовали себя неловко, не желая влиять на личные решения совершенно незнакомых людей.

Затем наступило лето, и к письмам добавились посетители.

Жарким сухим днем я пропалывал сад, колотя тляпкой по окаменевшей почве, когда к дому подкатил автомобиль, водитель которого, сияя улыбкой, показал мне экземпляр книги.

– Я вас вычислил. Совсем несложно. Немножко поработал детективом в деревне.

²⁰ Рак (*фр.*).

²¹ Читатель-англичанин, видимо, имел в виду *écrivain*, т. е. «писателю», но не учел характерной для французского языка огромной разницы между фонетикой и орфографией. Получилось: «английскому раку».

Я подписал книгу, чувствуя себя уже совершенно состоявшимся автором. Вернувшись из Кавайона жена тоже порадовалась.

– Восторженный почитатель! Прекрасно! Тебе надо было с ним сфотографироваться. Хорошо, что кому-то интересно.

Следующему почитателю, появившемуся через несколько дней, она почему-то не обрадовалась. Мы выходили из дому, собираясь в кафе, и наткнулись в саду на симпатичную блондинку, неожиданно возникшую из-за кипариса.

– Вы – это он? – спросило меня явление.

– Он – это он, – сухо отрезала жена. – Извините, нам пора.

Симпатичные блондинки, вероятно, привыкли к таким реакциям жен. Явление исчезло.

– Это ведь тоже, возможно, восторженный почитатель, – заметил я жене.

– Пусть почитает кого-нибудь другого. А ты убери ухмылку с физиономии.

В течение июля и августа мы привыкли обнаруживать у порога незнакомые лица. Большинство посетителей оказывались людьми воспитанными, вели себя скромно, желания их ограничивались получением автографа. Они благодарили за стакан вина и за возможность посидеть в тенистом дворе; все восхищались каменным столом, который мы все же смогли установить перед домом, хотя и не без затруднений.

– Так вот он какой, стол... – почтительно бормотали они, обходя каменную глыбу и проводя по ее поверхности пальцами, как будто восторгаясь шедевром скульптора Генри Мура. Интересно мы себя ощущали, когда нас, наших собак, которым нравилось внимание, и наш дом рассматривали с таким любопытством. К сожалению, наша заинтересованность порой сменялась раздражением, ибо иной визит больше напоминал вторжение.

Однажды после полудня, в самое жаркое время дня, когда температура зашкалила за пятьдесят градусов, некие трое – муж, жена и подруга жены – с носами и коленями, облезающими от загара, оставив машину у въезда, вторглись в нашу обитель. Сморенные жарой собаки спали, ничего не слышали. Зайдя в дом за пивом, я неожиданно для себя наткнулся в гостиной на эту троицу, оживленно беседующую, проверяющую книги и оценивающую мебель. Я удивился. Они – нет.

– А, вот и вы, – сказал муж. – Мы прочитали отрывки в «Санди таймс», решили заскочить.

Только и всего. Ни извинений, ни следа неловкости, ни мысли о том, что мне такой блиц-визит может оказаться не ко двору. Книги для автографа у них тоже не оказалось. Они сказали, что подождут тиража в мягкой обложке. Твердый переплет – такое дорогое удовольствие, знаете ли... От них веяло не слишком приятным замесом фамильярности и снисходительности.

Не часто вид людей мне неприятен, но эти трое не понравились с первого же взгляда. Я попросил их покинуть дом.

Щеки и подбородки мужа покраснели до багровости, он запыхтел, как индейский петух, расстроенный известием о надвигающемся Рождестве.

– Мы аж из Сен-Реми прикатили!

Я предложил им укатить обратно, и они ушли, бормоча, что эту книгу они ни за что не купят, что и не собирались ее покупать, а просто хотели глянуть... Тоже музей нашли. Я проводил бесцеремонных господ взглядом до их «вольво», возмущенных и оскорбленных, и подумал, не завести ли ротвейлера.

После этого инцидента вид приближающегося и замедляющего ход автомобиля стал для нас сигналом тревоги.

– Веди себя пристойно, – инструктировала меня жена. – Кажется, входят на участок... Нет, остановились возле почтового ящика.

Позже, отправившись к ящику за почтой, я нашел рядом книгу в пластике, оставленную с целью получить обратно на следующий день с автографом. Подписанная книга в том же пла-

стике легла на крышку колодца, придавленная камнем, и на следующий день исчезла, полагаю захваченная оставившими ее тактичными людьми, не желавшими беспокоить нас без предупреждения.

К концу лета мы уже не оставались единственными, кого навестили читатели. Наш сосед Фостен тоже подписал книгу, немало этому удивившись, потому что, как он выразился, он-то не *écrivain*²². Я сообщил ему, что люди в Англии прочитали о нем, он снял картуз, пригладил прическу и дважды повторил:

– *Ah, bon?*

Судя по тону, ему известие понравилось.

Шеф-повар Морис тоже раздавал автографы, и довольно часто. Никогда раньше столько англичан к нему не заезжало, сказал он мне. Некоторые удивлялись, что он и вправду существует, они полагали, что персонаж мною выдуман. Другие заказывали меню по книге, включая заключительный стаканчик *marc*.

Наконец достали и нашего знаменитого сантехника месье Меникуччи, заскакивавшего иногда между своими *œuvres*²³ поболтать с нами о политике, о повадках лесных грибов, о капризах климата, о перспективах сборной Франции по регби, о бессмертном гении Моцарта, а также о последних мировых достижениях в области сантехники. Я подарил ему книжку, показав места, в которых встречается его имя, и сказал, что иные из посетителей выражали желание с ним встретиться.

Он поправил свой шерстяной колпак и ворот старой клетчатой рубашки.

– *C'est vrai?*²⁴

Истинная правда, заверил я его. Его имя даже появилось в «Санди таймс». Может быть, стоит организовать для читателей встречу с ним.

– *Ah, Monsieur Peter, vous rigole*²⁵.

Но видно было, что идея ему по душе, а книгу он, уходя, нес так же бережно, как какое-нибудь хрупкое и дорогое биде.

Голос в трубке звучал, как будто его владелец находился в Австралии, бодро и гулко.

– Здрасьте. Валли Сторер, английский книжный, Канны. У нас тут стада британцев, ваша книжка очень неплохо расходуется. Как насчет прибыть во время кинофестиваля на подписание?

У меня всегда сохранялся здоровый скептицизм относительно литературных аппетитов людей киноиндустрии. Если вы упомянете Рембо²⁶ в отеле «Бель-Эр», народ подумает, что вы о Сильвестре Сталлоне. В читательский ажиотаж и подъем продаж не верилось, однако развлечение неплохое. Может, кинозвезду увижу, подумал я. Или очередную Мисс Бюст на набережной Круазет, или – самое невероятное явление – улыбку официанта на террасе отеля «Карлтон». И я охотно согласился.

Погода выдалась – для книготорговли – хуже некуда: жаркая, солнечная. Я вползал в город в тягучем потоке автомобилей, любуясь яркими плакатами на фонарных столбах, оповещавшими, что Канны и Беверли-Хиллз отныне близнецы-братья, и раздумывая, как мэры только что породненных городов кинутся посещать друг друга с рабочими визитами, укреплять дружбу за счет налогоплательщиков, оплачивающих их каникулы любви.

Возле Дворца фестивалей несметное число полицейских, вооруженных, радиофицированных и при темных очках. Главное занятие полиции – создание пробок и предотвраще-

---

²² Писатель (*искаж. фр.*).

²³ Труды (*фр.*).

²⁴ Правда? (*фр.*).

²⁵ Шутник вы, месье Питер (*фр.*).

²⁶ *Рембо Жан Никола Артур* (1854–1891) – французский поэт, один из основоположников символизма.

ние похищения Клинта Иствуда какими-нибудь злоумышленниками. С умением, отточенным годами практики, они направляют автомобили в одну пробку, затем раздраженными кивками перебрасывают в соседнюю. За десять минут я одолел пятьдесят ярдов. Паркуясь в гигантской подземной стоянке, я обратил внимание на граффити на стене:

ПОСЕТИТЕ КАННЫ, МЕЧТУ ТУРИСТА, – ТОЛЬКО Я БЫ И ДНЯ
ТУТ НЕ ЗАДЕРЖАЛСЯ

Я отправился в кафе на Круазет позавтракать и – а вдруг такое счастье! – на звезд поглядеть. Все присутствующие прибыли за тем же. Никогда не видел, чтобы столько незнакомых друг с другом людей рассматривали визави с таким интересом. Девицы все с надутыми губками и со скучающими минами на мордочках. Мужчины вооружены программками фестиваля, в которых с резолютивным видом марают что-то на полях. На столах рядом с круассанами тут и там возлежат мобильники, ожиданием звонков подчеркивая важность их обладателей. Каждый при пластиковом делегатском значке и при полиэтиленовом фестивальной пакете с надписью «*Le Film Français/Cannes 90*». Ни намек на *Le Film Anglais* или *Le Film Américain*, но грех не воспользоваться положением хозяина фестиваля. Круазет увешана плакатами с именами актеров, режиссеров, продюсеров, дантистов, парикмахеров. Восславления концентрируются перед крупными отелями таким образом, чтобы индивид мог видеть свое имя каждое утро из окна своей спальни перед традиционным каннским завтраком – яичницей с беконом и множеством собственных «я». Воздух насыщен бешеной деятельностью, большие баксы и крупные дела, и группа энергичных людей спешит по набережной Круазет и вдруг замечает старика-нищего, сидящего на мостовой перед отелем «Мажестик» с одиноко сверкающей на дне перевернутой и истрепанной шляпы монеткой в двадцать сантимов.

Подкрепившись своей дозой гламура, я оставил Великих Моголов кино и прошел по узкой рю Бивуак Наполеона к англоязычной книжной лавке, готовясь к странной процедуре сидения в витрине в расчете на то, что кому-то, кому угодно, придет в голову идея попросить меня подписать книгу. Разок-другой я уже примерял к себе это занятие. Не скажу, что слишком приятно ощущать на себе взгляды людей, не отваживающихся подойти. Может, они воображали, что я кусаюсь. Конечно же, они не представляли, какое облегчение чувствует автор, к которому приближается какой-нибудь храбрец. Посидев так несколько минут, чувствуешь, что готов схватиться за соломинку и подписать что угодно, любую книгу и любой фотоснимок, старый экземпляр газеты «*Nice-Matin*» и банковский чек.

К счастью, Валли Сторер с женой понимали психологию автора и набили лавку друзьями, знакомыми и даже покупателями. Не представляю, каким волшебством они отвлекли этих людей от пляжных радостей, но скучать мне не пришлось, и я даже подумал, что неплохо было бы иметь под рукой разговорчивого месье Меникуччи. Он лучше смог бы ответить на вопрос, почему французская канализация ведет себя именно так, как она себя ведет, – тема живейшего интереса английских туристов и экспатриантов. Странно, удивлялись они, почему французы, достигшие такого прогресса в области высоких технологий, запустившие скоростные поезда и реактивные «Конкорды», в туалетах и ваннах довольствуются уровнем XVIII века? Намедни, как проинформировала меня одна пожилая леди, она спустила воду в туалете, и в горшке всплыли останки какого-то овощного ассорти. Ужасно, ужасно! Да случись такое в родном Челтенхэме...

После сеанса подписания мы отправились в бар за углом. Американцев и англичан там оказалось больше, чем местных, но местных в Каннах вообще по пальцам пересчитать можно. Даже полицию, как мне сказали, и ту доставили с Корсики.

Полиция все еще упражнялась в создании пробок на Круазет, когда я отправился в обратный путь. Жандармы больше глазели на красоток разной степени раздетости, дефилирующих по тротуарам, не обращая внимания на одинокого нищего старика все с той же двадцатисанти-

мовой монеткой в перевернутой шляпе. Я кинул ему несколько монет, и он пожелал мне доброго дня. По-английски. Я подумал, что он выучил язык Шекспира ради карьеры в Беверли-Хиллз.

Бой

Жена заметила собаку по пути в Менерб. Она шествовала рядом с мужчиной, аккуратный вид и чистая одежда которого бросались в глаза рядом с ее неухоженностью и запущенностью. Выглядел пес так, как будто на сухой обглоданный скелет кто-то набросил грязный половик. И все же, несмотря на свой в высшей степени непрезентабельный облик, он интриговал своей необычностью для Франции. Редкая здесь порода жесткошерстного пойнтера, известного под официальным именем грифон Кортальса. *Chien de race*, таким образом. Породистая собака.

Одна из наших собак тоже кортал, и, поскольку таких в Провансе не часто увидишь, жена моя остановила машину, чтобы поговорить с владельцем. Она подивилась совпадению редких в этой местности пород, однако реакция мужчины оказалась для нее неожиданной.

– Мадам, эта псина увязалась за мной, но я не имею представления, откуда она и кто ее хозяин. – И он отскочил на шаг, чтобы уберечь брюки от облака пыли, взмывшего в воздух от принявшейся валяться на дороге собаки.

Жена вернулась из деревни и поведала мне о встрече. Конечно, рассказ вызвал у меня определенное беспокойство. Собаки для моей жены все равно что для другой норковые шубы. С нами уже проживали две, и я полагал, что этого вполне достаточно. Жена соглашалась, хотя и не слишком уверенно, и в течение следующих дней я заметил, что взгляд ее то и дело блуждал по окрестностям, ожидая появления помянутого ею чудесного явления на четырех лапах.

Возможно, история не имела бы продолжения, не сообщи ей кто-то, что собака, похожая на одну из наших, дежурила днем возле *épicerie*²⁷, привороженная запахом копченостей и паштетов. Вечером она исчезала, утром появлялась снова. О хозяине ничего не было известно. Вероятно, пес потерялся.

У жены развилась *crise de chien*²⁸. Она узнала, что потерявшиеся и выкинутые на улицу собаки содержатся в загонах французского общества защиты животных менее недели, затем от них избавляются. Как можно подобное допустить в отношении любой собаки, не говоря уж о таком прекрасном животном благородных кровей!

Я позвонил в общество защиты животных. У них пса не оказалось. Жена начала пропадать в деревне по полдню, уезжая на полчаса, чтобы купить батон. Однако собака исчезла. Когда я осмелился предположить, что она, вероятно, нагулялась и вернулась домой, супруга глянула на меня так, будто я предложил зажарить на ужин младенца. Я снова позвонил в изолятор найденных собак.

Прошло около двух недель. Жена переживала, в обществе защиты животных устали от моих звонков, но тут из *épicerie* просочилась свежая новость. Пес жил в лесочке рядом с домом одной из покупательниц. Женщина подкармливала его и позволяла ночевать на террасе.

Такой молниеносной реакции я давно не видывал. В течение получаса жена уже вернулась с улыбкой, заметной за полсотни ярдов. Рядом с ней на пассажирском сиденье что-то беспокойно ерзало. Сияющая жена вышла из машины.

– Он с голоду умирал, бедняжка. Посмотри, съел весь ремень безопасности. Ах, какое чудо!

Пса выманили из машины, он стоял рядом с нею, колотя хвостом по дверце. Выглядел кошмарно. Какой-то ком шерсти размером с немецкую овчарку со множеством торчавших во все стороны щепок и веточек, запутавшихся и прилипших листьев и каких-то крошек. Пес задрал ногу возле машины, лягнул пару раз ногами по гравию и улегся на живот, высунув шесть дюймов розового языка с налипшими на него обрывками ремня безопасности.

---

²⁷ Бакалейный магазин (фр.).

²⁸ Здесь: собачья недостаточность (фр.).

– Прелесть, правда? – продолжала умиляться жена.

Я протянул ему руку. Он поднялся, сжал мое запястье зубами и потянул к себе. Зубы у него оказались весьма крепкими.

– Видишь? Ты ему понравился.

Я попросил ее предложить псу для еды что-нибудь вместо моей руки. Он в три приема опустошил большую миску собачьего концентрата, налакался воды из ведра и принялся кататься по траве. Обе наши суки не знали, что с ним делать. Я тоже. Жена лучше ориентировалась в обстановке.

– Бедняжка. Нужно его отвести к ветеринару. И обязательно постричь.

В каждом супружестве есть моменты, когда лучше не спорить. Я договорился с мадам Элен, *toiletage de chiens*²⁹, на тот же вечер, ибо никакой уважающий себя ветеринар с ним в таком виде дела иметь не стал бы. Мадам Элен, как я надеялся, более привычна к проблемам с внешностью сельских собак.

Мадам Элен действительно быстро справилась с шоком первого впечатления. Еще один ее клиент, миниатюрный пуделек абрикосового цвета, заскулил и сиганул подальше от греха за этажерку с журналами.

– Пожалуй, сперва возьмусь за вашего, – решила она. – Душист, душист, *n'est-ce pas?*³⁰ Где вы его откопали?

– Кажется, в лесу.

– Мм... – Мадам Элен сморщила нос и потянулась за резиновыми перчатками. – Часок можете погулять.

Я купил ошейник от блох и присел за пивом в кафе Робиона, пытаясь привыкнуть к мысли о трех собаках в хозяйстве. Конечно, можно было надеяться, что найдется прежний хозяин, тогда останутся лишь две собаки и скорбящая об утрате жена. В любом случае выбор не за мной. Решение предстояло принять собачьему ангелу-хранителю, если таковой существовал. Я надеялся, что он заметит ситуацию.

Пса я нашел привязанным к стволу дерева в саду. Увидев меня, он выразил живейшее удовлетворение. Обкарнала его мадам Элен до короткого ежика. Голова теперь казалась еще больше, кости торчали, как у собаки, нарисованной малолеткой, но, по крайней мере, теперь он избавился от вони, стал чистым. Художественные наклонности мадам Элен проявились в оформлении обрубка хвоста, превращенного в помпон.

Пес охотно проследовал за мной в машину и устроился на пассажирском сиденье, глядя вперед, лишь иногда поворачиваясь ко мне и проявляя интерес к моему запястью. Производимые им звуки я истолковал как проявление удовлетворения, но, как оказалось, ошибся.

На самом деле он урчал от голода, что я осознал по аппетиту, с которым он умял содержимое подставленной ему женой миски. Придерживая миску лапой, он вылизал эмаль. Жена глядела на него с выражением, свойственным большинству женщин, когда они созерцают своих в высшей степени одаренных чад. Я скользнул в сторонку, проронив, что неплохо бы все же поискать его хозяина.

Обсуждение продолжилось за столом, под храп пса, заснувшего на полу, в ногах у моей жены. Мы договорились, что спать он будет в сарае. Дверь оставим открытой, чтобы он мог при желании выйти. А то и уйти. Если утром он еще будет на месте, мы свяжемся с еще одним хозяином корталов в округе, спросим его совета.

Жена выскочила из постели ни свет ни заря, и скоро меня разбудила ткнувшаяся мне в физиономию усатая морда. Пес никуда не делся. Вскоре стало ясно, что он вознамерился остаться с нами и намеревался убедить нас, что без него жизнь вообще невозможна. Он ока-

---

²⁹ Уход за собаками (фр.).

³⁰ Не так ли? (фр.)

зался бесстыжим льстецом. Один лишь взгляд на него – и это костлявое чучело выражало полнейшее блаженство. Похлопаешь его по загривку – и он впадет в экстаз. Два-три дня – и мы пропали. Со смешанными чувствами я позвонил месье Грегуару, жившему в Апте хозяину коргалов.

На следующий день он заехал к нам с женой, чтобы освидетельствовать нашу находку. Месье Грегуар первым делом заглянул в уши, чтобы проверить, не вытатуирован ли там идентификационный номер на случай потери. Так поступают все серьезные владельцы, сказал месье Грегуар. Номера хранятся в базе данных в Париже, и если кто-то обнаружит собаку с клеймом, центральный офис в полчаса свяжет его с владельцем.

Месье Грегуар с сожалением покачал головой. Увы, татуировки в ухе не оказалось. И кормили пса неправильно. Скорее всего, рождественский подарок оказался неуместным в доме и от него избавились традиционным способом – вышвырнули вон. Месье Грегуар посоветовал нам оставить пса в нашем семействе. Пес против этого не возражал.

Мадам Грегуар выразила восхищение красотой нашего найденыша и почти сразу выступила с предложением, принятие которого, возможно, привело бы к удвоению поголовья собак в нашем хозяйстве. Она спросила, как мы отнесемся к браку между нашим красавцем и их молодой сукой.

Как относится один из нас, я точно знал, но обе дамы уже пустились в обсуждение деталей возвышенной собачьей любви.

– Вы должны нас навестить, – предложила мадам Грегуар. – Мы разопьем бутылку шампанского, в то время как эти двое... – она слегка замялась, подыскивая более деликатное выражение, – уединятся.

К счастью, муж ее оказался не лишен практической жилки.

– Прежде всего нужно проверить, понравятся ли они друг другу. А тогда уж... – И он смерил нашу находку взглядом будущего тестя. Пес положил ему на колено свою увесистую лапу. Мадам умиленно засюсюкала. Я понял, что все решено.

Наумилявшись, мадам Грегуар вспомнила еще одну существенную деталь.

– Вот что мы еще забыли. Звать-то его как? Надо что-либо героическое придумать. С такой головой! – Она погладила пса по голове, и тот от удовольствия закатил глаза. – Скажем, Виктор-ор... Или... Ахилл.

Пес, дурень дурнем, опрокинулся на спину, воздев лапы к небу. Героического в нем ничего не обнаруживалось, зато мужские признаки сразу бросились в глаза. Этими признаками и определилось его имя.

– Давайте назовем его Бой. *Ça veut dire «garçon» en Anglais*³¹.

– Бой? *Oui, c'est genial*³², – восхитилась мадам Грегуар.

И пес стал Боем.

Встречу Боя с невестой, как ее назвала мадам Грегуар, мы запланировали недели через две-три. Тем временем следовало Боя откормить, сделать ему прививки, поставить учетное клеймо. В общем, сделать из него приличного жениха. Он навещал ветеринара и обжирался, приобретал лоск, обживался в хозяйстве. Каждое утро поджидал нас во дворе, повизгивая от предвкушения предстоящего дня и хватая зубами первое попавшееся запястье. Через неделю он переместился с подстилки в сарае в корзину во дворе, через десять дней перешел спать в дом, под обеденный стол. Суки наши его уважали. Жена покупала для него теннисные мячики, которые он тут же разгрызал. Бой гонял ящериц и обожал сидеть на ступеньках, ведущих в бассейн. Он пребывал на седьмом небе собачьего рая.

---

³¹ Так называют мальчика на английском (*фр.*).

³² Да, он гениальный (*фр.*).

Наступил день, предназначенный мадам Грегуар для *rendez-vous d'amour*³³. Мы прибыли в живописные холмы над Сеньоном, где месье Грегуар перестроил длинный каменный конюшенный блок в одноэтажный дом с видом на долину и, в отдалении, на деревню Сен-Мартен-де-Кастильон.

Бой набрал вес, густая шерсть его отросла, но манеры все еще оставляли желать лучшего. Выскочив из машины, он тут же задрал ногу у недавно высаженного деревца и взрыл газон когтями задних лап. Мадам нашла его очаровательным. Месье, как мне казалось, отнесся к псу менее доброжелательно, я уловил его несколько скептические взгляды. Невеста жениха игнорировала, сосредоточившись на наших суках. Бой прыгнул на пригорок возле дома, с него вспрыгнул на крышу. Мы вошли в дом, наслаждаться чаем с вишнями, настоящими на *eau-de-vie*³⁴.

– Неплохо, неплохо он выглядит, ваш Бой, – похвалил месье Грегуар.

– Великолепно выглядит, – присоединилась к нему мадам.

– *Oui, mais...*³⁵

Наконец выяснилась причина сомнений месье Грегуара. Он встал, взял журнал, раскрыл его. Последний выпуск «*Club Korthal de France*». Множество фотоснимков: собаки в стойке, собаки с дичью в зубах, собаки плывущие, сидящие у ног хозяев...

– *Vous voyez*, – продолжил месье Грегуар, – все эти собаки обладают классическим покровом, *poil dur*³⁶. Характеристика породы.

Я посмотрел на фото.

Все изображенные собаки жесткошерстные. Я перевел взгляд на Боя, как раз прижавшего большую бурую мочку носа к стеклу. Шерсть его отросла после стрижки и живописно завивалась колечками. Нам они казались красивыми. Но месье Грегуар придерживался иного мнения.

– К сожалению, он напоминает... *mouton*. От шеи к макушке он кортал. От шеи к хвосту он овца. Очень жаль, но такой брак стал бы мезальянсом.

Моя жена чуть не подавилась вишнями. Мадам Грегуар сильно расстроилась. Месье Грегуар глядел на нас с сожалением. Лишь я внутренне ликовал. Две собаки и овца в доме – вполне достаточно.

Бой, насколько нам известно, все еще холостяк.

---

³³ Любовное свидание (фр.).

³⁴ Водка (фр.).

³⁵ Да, но... (фр.)

³⁶ Жесткошерстный (фр.).

За пятьдесят без превышения скоростного лимита

На свои дни рождения я никогда особого внимания не обращал, даже на те, что случаются раз в десять лет. В день, когда мне исполнилось тридцать, я работал, как и в день сорокалетия. И день полувекового юбилея я вполне счастлив был бы провести в трудах. Однако не тут-то было. Госпожа супруга смотрит на подобные вещи и явления с иной позиции.

– Полсотни лет – это событие, – рассуждала она. – Особенно – учитывая, сколько ты потребляешь вина. Даже достижение. Надо отпраздновать.

Спорить, когда у нее подбородок в таком положении, не следует. Поэтому мы обсудили, как, где и с кем отметим. Мне бы следовало сообразить, что у нее все решено, хотя она внимательно, терпеливо и даже вежливо выслушивала все мои предложения – вылазка в Экс, *déjeuner flottant*³⁷ в пруду, поездка к морю в Касси. Лишь когда у меня иссякло воображение, она взяла слово. Пикник в Любероне, сказала она, с несколькими избранными друзьями. Так принято отмечать дни рождения в Провансе. Она широкими мазками набрасывала живописные полотна идиллических полянок, утопающих в солнечном свете, окруженных тенью широколистных деревьев... Мне даже будет позволено брюки снять. Мне понравится.

Не знаю почему, но к пикникам у меня с детства аллергия. Я покончил с ними еще в Англии. С сырой земли постоянно ползет вверх по позвоночнику влага и еще что похуже. Муравьи норовят сожрать все, что сам намеревался поглотить. Вино противно пресное, как остывший чай, чай точно такой же противно пресный, тепловатый. И все это великолепие прерывает лопнувший над головой нарыв дождевого облака с такой же противной тепловатой водицей. Пикники я ненавидел. И осмелился не скрывать своего мнения.

Этот окажется совершенно иным, безапелляционно заявила моя супруга. Она все продумала. Она даже привлекла в качестве консультанта Мориса. Все будет культурно и цивилично, в высшей степени оригинально и живописно, не хуже чем Глайнборн³⁸ в сухой день. В общем, мне очень понравится.

Морис, шеф-повар и собственник «Оберж де ля Луб» в Бюу, знаток и любитель лошадок, где-то добыл и основательно отреставрировал две-три *calèches* (открытые коляски) и один дилижанс на лошадиной тяге – *un vrai diligence*. Морис предлагал эти колесницы в качестве одного из пунктов своего меню. Я якобы буду в восторге.

Я умею мириться с неизбежностью, и вопрос с пикником решился без долгих препирательств. Мы пригласили восемь гостей и скрестили пальцы (не столь истово, как это принято в Англии), дабы сохранилась хорошая погода. Хотя дождь в последний раз случился за два месяца до предполагаемого пикника, в апреле, июнь в Провансе – штука непредсказуемая, иногда дожди хлещут по неделе кряду.

Однако в то утро, выйдя во двор в семь часов, я узрел над головой прозрачную голубизну, подобную цвету пачки сигарет «Голуаз». Каменные плиты мощеного двора приятно грели босые ноги, ящерицы уже замерли на стене в лучах солнца. Проснуться в такое утро – уже прекрасный подарок ко дню рождения. Ранним утром жаркого летнего дня в Любероне, уютно устроившись на террасе, наслаждаться под жужжание пчел в лаванде чашечкой кофе со сливками и любоваться омытой солнечным светом зеленью дальнего леса – что может быть лучше на этом свете? Тепло внушало мне оптимизм и уверенность в собственных силах. Я не чувствовал себя ни днем старше сорока девяти лет и, благодушно опустив взгляд к своим загорелым ступням, молча надеялся, что и шестьдесят встречу так же точно.

---

³⁷ Завтрак на воде (*фр.*).

³⁸ Английский город Глайнборн знаменит своими оперными фестивалями.

Чуть позже теплынь сменилась жарой, а жужжание пчел перекрыл кашель дизеля. К дому подкатил и остановился в облаке пыли потрепанный открытый «лендровер» в боевой камуфляжной раскраске. Прибыл Беннет, выряженный дозорным пустынного патруля, в шортах и военного покроя рубахе, в затемненных танковых очках; машина вся в запасных колесах, канистрах, саперных лопатках и каких-то еще чрезвычайно полезных ящиках и коробочках, прикрепленных к кузову. Из ансамбля выпадала лишь заменявшая каску бейсболка от Луи Вюиттона, неуместная при Эль-Аламейне³⁹. Вражеские позиции он пересек по шоссе N100, успешно покори́л Менерб и горел энтузиазмом продолжить наступление хоть до альпийских вершин.

– Привет, старик! – провозгласил Беннет. – Не возражаешь, я быстренько позвоню? Понимаешь, плавки забыл защитного цвета... ну, там... где ночевал сегодня. Шикарные плавки, цвет как у трусов генерала Норъеги. Оригинальнейшая тряпица, жаль было бы лишиться.

Беннет ускакал к телефону, а мы погрузили двоих гостей-постояльцев и трех собак в машину, чтобы отправиться в Бюу, где предстояла встреча с остальными. Беннет выскочил из дому, лихо поправил бейсболку. Автоколонна двинулась под взглядами местных жителей, по пояс скрытых зарослями винограда. Их заинтриговал боевой окрас «лендровера» и его живописный водитель.

За Боньё пейзаж несколько одичал, виноградники сменились кустарниковыми пустошами, яркими лавандовыми полями и россыпями валунов. Как будто до ближайшего поселения отпускников сотни миль. Такое изобилие дикой природы радовало глаз. Немало времени еще пройдет, прежде чем здесь появится первый бутик или контора агента по недвижимости.

Мы повернули в глубокую долину. Бюу еще дремал. Растянувшаяся на поленнице дров возле мэрии собака открыла один глаз и лениво тявкнула. Ребенок с котенком на руках повернулся в сторону нашего кортежа, удивленный интенсивностью движения и численностью машин.

Двор заведения Мориса напоминал съемочную площадку фильма, где срочно делают кино по незавершенному сценарию, толком не определившись с составом исполнителей, страной и эпохой действия, гардеробом и декорациями. Белый костюм и широкополая панама, шорты и сандалии, шелковое платье, наряд мексиканского батрака, яркие шарфики и платочки, колпаки и шляпы, наряженный куклой младенец и боевой командир пустынного дозора, выпрыгнувший из «лендровера» и озабоченно инспектировавший его снаружи на предмет наличия свежих пулевых пробоин.

Из-за спин своих лошадиных сил Морис улыбался нам и прекрасной погоде. На нем провансальский выходной наряд: белая рубаха, белые штаны, черный галстук-шнурок, сливово-красный жилет и старая плоская соломенная шляпа. Его друг, возница второй повозки, тоже в белом, оживленном широкими алыми подтяжками и роскошными пепельно-перечными усищами, точная копия Ива Монтана из фильма «Жан де Флоретт».

– *Venez!*⁴⁰ – пригласил нас подошедший Морис. – Идемте глянем на лошадок. – И он справился о состоянии нашего аппетита. К месту проведения пикника уже, оказывается, отправился фургон с достаточным запасом продовольствия, чтобы накормить весь Бюу.

Лошадки стояли в саду, в тени деревьев. Ближайшая сразу же заржала и ткнулась в Мориса в поисках сахара. Самая юная гостья, восседавшая на плечах родителя, загукала при виде таких чудищ, потянулась пальцем к лоснящемуся лошадиному боку. Лошадь приняла ее палец за муху и смахнула хвостом.

---

³⁹ *Эль-Аламейн* – населенный пункт в Египте; здесь во время Второй мировой войны 8-я английская армия нанесла поражение итало-немецким войскам – переломный момент в ходе Северо-Африканской кампании.

⁴⁰ Проходите! (*фр.*)

Морис и сивоусый Ив Монтан запрягли лошадей в открытую коляску, черную, отделанную красным, и в закрытый семиместный дилижанс, красный с черной отделкой. Обе повозки сверкали так же, как и лошади. Морис всю зиму работал над ними и довел их до безупречного состояния, или, как он это формулировал, «*impress*»⁴¹. Единственное современное добавление – автомобильный клаксон в виде дудки, дабы предупреждать о предстоящем обгоне другие, более медлительные средства передвижения и предостерегать бесшабашных куриц от намерения пересечь дорогу.

– *Allez! Montez!*⁴²

Мы последовали приглашению, заняли места, и экипажи, соблюдая ограничение скорости в пределах населенного пункта, двинулись по деревне. Собака с дровяного штабеля гавкнула нам прощальный привет, и экипажи выехали на сельскую дорогу.

Такого рода путешествие заставляет жалеть об изобретении автомобиля. Все видишь иначе, ибо сидишь гораздо выше, двигаешься медленнее, и окружающее предстает в гораздо более интересном свете. Действует преимущественно колебательный ритм – покачивание на подвеске, согласованное с шагом лошадей и рельефом дороги. Приятен и старомодный звуковой фон – поскрипывание упряжных ремней, перестук копыт, негромкий скрежет стальных ободьев. Нас окружал и иной букет ароматов – смесь теплого запаха лошадей, смазки, седельного мыла, древесного лака и духа полей, – не задерживаемый привычными стеклами. Наконец, скорость, точнее, отсутствие скорости, позволяющее вглядеться. В автомобиле все проносится мимо, мелькает, сливается в сплошную смазанную полосу. В автомобиле вы изолированы от пейзажа. В карете вы часть окружающей природы.

– *Trottez!*⁴³ Пошевеливайся! – Морис огрел лошадь кнутом по крупу, переключив скорость на вторую. – Ленивая она. И обжора. На обратном пути ее погонять не придется, потому что домой, к еде.

По обе стороны от нас раскинулись алые поля цветущего мака. Над ними кружил ястреб, пикировал, взмывал, парил на раскинутых крыльях. Солнце вдруг прикрыло случайное облако, и я заметил почти черные лучи, пронизывающие облачный туман.

Мы свернули с проселка и направились по лесной дорожке, виляющей между деревьями. Копыта более не стучали, погружаясь в густую траву. Я спросил Мориса, как он находит места для пикников, и он сказал, что в каждый свой выходной, еженедельно, отправляется в лес верхом. Иногда за несколько часов блужданий никого не встречает.

– Всего двадцать минут от Апта, но никто сюда не выбирается. Я да кролики.

Лес сгущался, дорожка сузилась в тропу, по стенкам кареты шуршали ветки. Мы миновали несколько валунов, туннель из переплетенных над головами ветвей и уткнулись в накрытый стол.

– *Voilà!* – провозгласил Морис. – Ресторан открыт!

На траве просеки, в тени раскидистого дуба, возвышался стол, накрытый на десять персон. Его украшала белоснежная скатерть с ведерками льда, с накрахмаленными салфетками, со свежими цветами в вазах, с настоящими приборами и настоящими стульями. Фон для стола создавал живописный *borie*⁴⁴, в далеком прошлом дом пастуха, ныне превращенный в буфетную. Оттуда доносились чпоканье вытягиваемых пробок и перезвон бокалов. Все мое отвращение к пикникам мгновенно улетучилось. Ничто здесь не предвещало отсыревшей задницы и сэндвичей с муравьями.

---

⁴¹ Сокращение от *impressable* – безукоризненный (*фр.*).

⁴² Давайте! Садитесь! (*фр.*)

⁴³ Рысью! (*фр.*).

⁴⁴ Традиционный каменный дом на юге Франции (*фр.*).

Морис отгородил часть просеки для распряженных лошадей, и они принялись валяться и кататься по траве, почувствовав облегчение, как пожилые дамы, освободившиеся от корсетов. В окнах дилижанса опустили шторы, младшая гостья заснула на его подушках, а остальные освежились охлажденным персиковым шампанским в крохотном открытом дворике *borie*.

Ничто так не содействует созданию приятной атмосферы, как отградное приключение, комфортное нарушение привычного ритма бытия. Морису досталась благодатная публика, которую он, несомненно, заслужил. Он позаботился обо всем, ни в чем не ощущалось недостатка, ни во льде, ни даже в зубочистках. И уж конечно, голод нам не угрожал. Морис пригласил нас занять места за столом и представил выбор первых блюд: дыня, яйца перепелки, тающая во рту *brandade*⁴⁵, паштет из дичи, фаршированные томаты, маринованные грибочки и так далее, далее, далее, от одного конца стола к другому. Стол как будто спрыгнул с разворота подарочной кулинарной книги из тех, что никогда не увидишь на кухне.

За вводным словом Мориса последовала краткая пауза, во время которой мне вручили самую тяжелую и самую аккуратно выполненную поздравительную открытку – круглый металлический дорожный знак двух футов в диаметре с откровенным напоминанием о прожитых годах.

*Bon anniversaire et bon appétit!*⁴⁶

Мы героически бросились в атаку. За первым штурмом последовал легкий отдых, мы вставали, прогуливались, не выпуская из рук бокалов, возвращались к столу. Ланч затянулся на четыре часа. К моменту, когда подали кофе с именованным *gateau*⁴⁷, мы впали в блаженное отупение, тормозившее даже застольную беседу. Мир окрасился в розовые тона. Пятьдесят лет – удивительный возраст!

На обратном пути лошади не могли не ощутить увеличения веса пассажиров, однако рысили они более оживленно, чем утром, вскидывая головы и приносясь к воздуху. Воздух же проявлял повышенную активность, ветер то и дело порывался скинуть с голов соломенные шляпы. Издали донесся какой-то приглушенный недовольный рокот. Еще несколько минут – и небо почернело.

Лишь только мы успели вывернуть на дорогу, как с неба просыпался крупный ледяной горох, весьма неприятно долбивший по нашим макушкам и плечам, тарахтевший по твердым поверхностям колесниц и шлепавший по мокрым спинам лошадей, подбадривая их лучше всякого кнута. Поля шляпы Мориса обвисли, прилипли к ушам, с красного жилета дождь стекал на белые штаны. Он смеялся и кричал, соревнуясь с какофонией природы:

– *Oh là là, le pique-nique Anglais!*⁴⁸

Мы с женой с грехом пополам прикрылись дорожным одеялом и обернулись посмотреть, как дела в дилижансе. Крыша его, очевидно, оказалась не в силах противостоять стихии, ибо из окон то и дело высывались руки, выливая воду из шляп.

В Бюу мы ворвались галопом, Морису пришлось сдерживать лошадь, стремившуюся поскорее попасть домой, в теплую конюшню. К чертям этих двуногих и их дурацкие затеи с пикниками!

Промокшие, но веселые жертвы непогоды ввалились в ресторан, принялись согреваться чаем, кофе, более терпкими и максимально крепкими напитками. Вместо элегантных участников пикника за столиками стучали зубами фигуры в промокших одеяниях, с прилипшими к черепакам волосами. Непрозрачные в сухом состоянии белые штаны теперь поздравляли присутствующих надписью «Веселого Рождества!», художественно выполненной красными бук-

---

⁴⁵ Треска по-провансальски (рубленая треска с маслом или сливками с чесноком) (фр.).

⁴⁶ Со славным юбилеем и приятного аппетита! (фр.)

⁴⁷ Сладкий пирог (фр.).

⁴⁸ Ой-ля-ля, вот да английский пикник! (фр.)

вами на заднице просвечивающих сквозь мокрую ткань трусов. Соломенные шляпы казались кучами слипшихся кукурузных хлопьев. Под каждым на полу образовалась персональная лужа.

Сухая мадам и сухой Марсель, официант, ехавший в кабине фургона, обеспечили пострадавших сухой одеждой и *marc*, и ресторанный зал превратился в раздевалку. Беннет под своей бейсболкой гадал, не следует ли ему проделать обратный путь в плавках. Его боевой экипаж, омытый ливнем, сверкал оставшимися на сиденьях лужами. Во всяком случае, гроза миновала, констатировал Беннет, щурясь в окно.

В Бюу гроза миновала, а в Менербе ее лишь слышали издали. Домой мы возвращались по той же сухой пыльной дороге среди бурой пожухлой травы. Стоя перед домом посреди раскаленного двора, мы понаблюдали за солнцем, повисшим на западе над двойной верхушкой горы и нырнувшим в скопившиеся там облака.

– Ну как тебе пикник? – спросила меня жена.

Что за вопрос! Конечно же, мне понравился этот пикник. И вообще мне нравятся пикники. Я без ума от пикников!

Поющие жабы святого Панталеона

Одно из самых странных и примечательных событий, организованных в память повальной декапитации французской аристократии двести лет назад, осталось незамеченным, не освещенным средствами массовой информации. Даже местный рупор времени, иной раз раздувающий на целую полосу такие малозначащие инциденты, как угон автофургона с рынка Кустеле или междеревенские соревнования в *boules*⁴⁹, даже, повторяю, акулы печати из «*Le Provençal*» не заметили этого исключительного в мировом масштабе события.

Впервые я услышал об этом в конце зимы. Двое в кафе напротив *boulangerie*⁵⁰ в Люмьере обсуждали вопрос, показавшийся мне весьма странным: могут ли жабы петь.

Более крупный из двоих, судя по жестким мозолистым ладоням и запыленному комбинезону – каменщик, в это не верил.

– Если жабы поют, то я – президент Франции. – Он приложился к своему красненькому. – Эй, мадам! – заорал каменщик даме за стойкой. – Как ваше мнение?

Мадам подняла взор от подметаемого ею пола, оперлась обеими руками о древко швабры и обдумала вопрос.

– Что-то не похож ты на президента. А насчет жаб... – Она пожала плечами. – Я в жабах не разбираюсь. Все может быть. Жизнь – штука странная. Вот я однажды сиамскую кошку видела, так та сама пользовалась туалетом. У меня и фото есть. Цветное.

Второй собеседник, тот, что поменьше, удовлетворенно откинулся на спинку стула, считая вопрос решенным.

– Вот видишь? Все может быть. Мне шурин говорил, что есть в Сен-Панталеоне мужик с жабами, с кучей жаб, так он их тренирует к *Bicentenaire*⁵¹.

– Иди ты! – подивился крупный. – И чем они нас порадуют? Флажками будут махать? Плясать под музыку?

– Петь. Петь они будут. – Меньший допил вино и отодвинулся от стола. – Говорят, что к Четырнадцатому июля они смогут «Марсельезу» изобразить.

Так и не придя к согласию, они удалились, а я попытался представить себе, как можно добиться от существ с весьма ограниченными вокальными возможностями воспроизведения звуков, волнующих сердце каждого француза, затрагивающих его патриотическую гордость при мысли об отрубленных головах, сыплющихся в плетеные корзины. Возможно ли это? Я слышал до сих пор лишь неорганизованное кваканье неученых лягушек вблизи нашего дома. Более крупные и, возможно, более одаренные жабы смогли бы, вероятно, осилить и значительный диапазон, и большую длительность нот. Но каким образом их обучать, кто возьмется за это? Очень, очень интересно.

Прежде чем искать человека в Сен-Панталеоне, я попытался заручиться авторитетным мнением. Мой сосед Массо должен знать о жабах. Он часто говорит, что в природе для него нет тайн. Природа, погода, живые существа, летающие, бегающие, ползающие в Провансе... Если в политике и ценах на недвижимость для него еще не все ясно, то в вопросах природы он дока.

Я дошел до глинистой ложбины на краю леса, в крутой склон которой врос домишко Массо. Три собаки дружно бросились мне навстречу, свирепо гавкая, пытаясь сорваться с цепей. Не подходя слишком близко, я свистнул. В доме тут же что-то упало, послышалось проклятие – *putain!* – и в дверях появился Массо с перемазанными оранжевой краской руками.

---

⁴⁹ Шары (фр.).

⁵⁰ Булочная (фр.).

⁵¹ Двухсотлетие (фр.).

Он подошел к собакам, распахнул их по конурам и, сунув мне для пожатия локоть, сообщил, что пытается сделать свою собственность еще более привлекательной к весне, когда возобновит попытки ее продать. Как с моей точки зрения, оранжевый – не слишком броско?

Подивившись его художественному вкусу, я перешел к жабам. Он схватился за усы, окрасив и их в оранжевый цвет, вспомнил о краске, отдернул руку.

– *Merde!* – Массо протер усы тряпкой, размазав краску и модифицировав их кричащую расцветку, в которой преобладал кирпичный цвет, результат воздействия вина и ветра.

Пригорюнившись, Массо покачал головой.

– Нет, жаб я не ел. Лягушек ел. Но жаб не доводилось. Конечно, английский рецепт, так?

Решив не описывать ему английский деликатес «жаба в норе»⁵², я уточнил:

– Не о еде речь. Меня интересует, могут ли жабы петь.

Массо уставился на меня, подозревая подвох, и обнажил свои ужасные зубы.

– Собаки поют. Врежь псу сапогом по яйцам, еще как споет. – Он задрал голову к небу и изобразил, как запоет пес, которому врезали сапогом по... м-да. – Жабы... Да отчего б и жабам не спеть? Кто знает... Вопрос дрессировки. Мой дядя в Форкалькье козу плясать научил. Как только аккордеон услышит, сразу в пляс. Очень неплохо изображала, только, скажу я вам, все ж не так, как одна свинья, которую цыгане научили. Вот та была танцором – высший класс! *Très délicat*⁵³, несмотря на габариты.

Я рассказал Массо о подслушанной в кафе беседе. Не мог ли он подсказать, как найти того человека?

– *Non. Il n'est pas du coin*⁵⁴.

Сен-Панталеон, хотя и всего в нескольких километрах, находится на другой стороне шоссе N100, посему – чужая земля, за граница.

Массо начал увлекательную историю о дрессированной ящерице, затем вспомнил о своем прерванном занятии, сунул мне на прощанье локоть и вернулся в свои оранжевые пенаты. По пути домой я решил, что не след беспокоить соседей вопросами о том, что происходит в дальнем зарубежье, лучше пересечь дорогу да разузнать самому.

Сен-Панталеон невелик даже по деревенским стандартам. Не более сотни жителей; конечно же, *auberge*⁵⁵; конечно же, крохотная церквушка XII века с врезанным в скалы кладбищем. Могильные ниши давным-давно пусты, но сохранили форму. Некоторые детского размера, вплоть до младенческого. День выдался мрачный, мистраль тархтел ветками деревьев, голыми, как обглоданные кости.

Отвернувшись от ветра, какая-то старуха сметала с порога пыль да пустые пачки «Голуаз», поднимая мусор на ветер, переносивший старухины дары к соседскому порогу. Я спросил бабулю, не подскажет ли она мне, как найти дом человека, который учит жаб петь. Она вскинула на меня испуганный взгляд, скакнула за порог и захлопнула за собой дверь. Отходя от ее дома, я заметил шевеление занавески в окошке рядом с дверью. Вот и готов у нее для вечерних посиделок с соседками рассказ о сбежавшем из психушки иностранце, слоняющемся по деревне.

Перед поворотом к ателье художественнойковки «*Ferronnerie d'Art*» месье Ода над неподвижным мотоциклом согнулся мужчина, ковыряя в своем железном коне отверткой. Я спросил и его. Этот не удивился.

– *Beh oui.* Месье Сальк. Слышал я, что он с жабами занимается, хоть с ним и не встречался. Он за древней живет.

---

⁵² Первоначально мясо, теперь сосиски, запеченные в тесте.

⁵³ Очень изящный (*фр.*).

⁵⁴ Нет. Это ж не за угол шагнуть (*фр.*).

⁵⁵ Гостиница с рестораном (*фр.*).

Последовав указаниям этого человека, я добрался до небольшой каменной постройки в достаточном удалении от дороги. Гравий во дворе как будто только что пересеян, почтовый ящик недавно выкрашен, на нем визитка, защищенная пластиком: HONORÉ SALQUES, ÉTUDES DIVERSES⁵⁶. Исследователь-универсал. Что угодно можно предположить. Интересно, чем еще он мог заниматься, кроме управления хором лягушек?

Дверь дома открылась, едва я ступил во двор. Месье Сальк следил за моим приближением с каким-то нетерпением, глаза сверкали за стеклами очков в золоченой оправе. Очень аккуратный господин, филигранно прямой пробор, тщательно повязан галстук, острые складки брюк, начищенные до блеска небольшие черные туфли. Из открытой двери доносились звуки флейты.

– Наконец-то. Двадцатый век, и три дня без телефона, позор! А где ваши инструменты?

Я объяснил, что я не из бюро ремонта телефонов, а интересуюсь его работой с жабами. Он приосанился, тонкой белой рукой разгладил галстук, не нуждающийся в этом.

– Насколько я могу судить, вы англичанин. Приятно, что слух о моем маленьком достижении дошел до Англии.

Не хотелось сообщать ему, что его достижения подвергаются сомнению уже через дорогу, в Люмьере. Пользуясь его добродушным настроением, я спросил, нельзя ли поглядеть на его хор. Он слегка усмехнулся и просветил меня насчет моего ляпсуса.

– Вот и видно, что вы в жабах не разбираетесь. До весны от них не стоит ждать активности. Однако показать, где они зимуют, могу. Подождите немного.

Месье Сальк скрылся в доме и появился снова в теплой кофте. В руке он держал фонарик и древнего фасона ключ с аккуратной пластиковой биркой. На бирке каллиграфически выведено слово STUDIO. Месье Сальк провел меня через сад к сооружению в форме улья, сложенному из плоских камней, – тысячу лет назад типичная для Воклюза постройка.

Сальк отпер дверь и осветил внутрь. Вдоль стен тянулись песчаные насыпи с уклоном к центру, где находился надувной бассейн. Над бассейном висел микрофон, но артистов я не увидел.

– Они спят в песке, – пояснил месье Сальк, показывая лучом фонаря на насыпи. – Здесь, – он указал влево, – вид *Bufo viridis*. Их голос напоминает пение канарейки. – Он вытянул губы и издал иллюстрирующую трель. – А вон там, – луч метнулся к противоположному песчаному валу, – зимуют *Bufo calamita*. Их «звуковой мешок» способен растягиваться до удивительных размеров, звук получается *très, très fort*⁵⁷. – Месье Сальк склонил голову, упер подбородок в грудь и очень похоже квакнул. – Вы, конечно, заметили контраст между этими двумя звуками.

Затем он объяснил мне, как из такого странного материала получается музыка. Весной, когда все помыслы этих столь разных особей направлены лишь на спаривание, обитатели песчаных куч пробуждаются от спячки и направляются в бассейн, распевая песни любви. Генетическая скромность позволяет им сочетаться лишь по ночам, но – *pas de problème*⁵⁸ – каждый звук улавливается микрофоном и записывается магнитофоном. Месье Сальк, не выходя из студии, редактирует, усиливает, микширует, монтирует, синтезирует и при помощи электроники получается, к примеру, «Марсельеза».

И это лишь начало! Скоро нагрянет 1992 год, и месье Сальк встретит его во всеоружии. Он готовит совершенно оригинальный опус, гимн стран Общего рынка. Здорово, не правда ли?

Я, однако, не разделял энтузиазма месье Салька. Оригинально, спору нет, но все же фантастика живого жабьего хора отсутствует. Что же касается гимна Общего рынка, тут как раз сплошная фантастика. Если брюссельские бюрократы валандаются годами, не приходя к согла-

⁵⁶ Оноре Сальк, постижение всякого (фр.).

⁵⁷ Очень-очень сильный (фр.).

⁵⁸ Без проблем (фр.).

сию по таким простым вопросам, как цвет паспорта или бактериальный баланс йогуртов, как они достигнут единства в таком вопросе, как гимн, да еще в жабьем исполнении? Что скажет миссис Тэтчер?

Впрочем, что скажет госпожа Тэтчер, как раз не секрет.

«Жабы должны быть британскими!» – вот чего она потребует. Однако мне не хотелось замешивать в искусство политику, поэтому я задал очевидный вопрос:

– Почему жабы?

Месье Сальк глянул на меня так, будто хотел спросить, дурак я или только прикидываюсь.

– Потому что этого никто еще не делал.

Конечно же!

Весной и в начале лета мысли мои то и дело возвращались к месье Сальку и его питомцам, но я решил дождаться июля, когда *concerto Bufo* уже наверняка будет записан. Если повезет, смогу услышать и гимн Общего рынка.

Но, прибыв к месье Сальку с повторным визитом, я его не застал. Дверь открыла женщина, чье лицо весьма походило на поверхность скорлупы грецкого ореха, с пылесосной насадкой в руке.

– Дома ли месье?

Женщина отвернулась и выключила пылесос.

– Нет. В Париж отъехал. – Она помолчала и добавила: – По случаю *Bicentenaire*.

Музыку он, конечно, забрал с собой?

Этого она не знала. Она всего лишь экономка.

Не хотелось, чтобы поездка прошла совсем уж впустую, и я спросил, нельзя ли хоть жаб увидеть.

Нет. Они отдыхают. Месье Сальк велел их не беспокоить.

– Благодарю вас, мадам.

– Не за что, месье.

Перед Четырнадцатым июля газеты улавливали и излучали новости, повествовали о приготовлениях, о платформах, декорациях, визитах глав государств, о гардеробе Катрин Денев... Но нигде я не нашел ни единого упоминания, даже в разделе культуры, о поющих жабах. День взятия Бастилии прошел без единого квака. Да, месье Сальку следовало бы добиться живого исполнения.

«Шатонеф-дю-Пап» не сплевывать!

Август в Провансе. В это время лучше вести себя спокойненько, не высовываться из тени, двигаться размеренно и никуда по возможности не выезжать. Ящерики это прекрасно понимают, и мне следовало бы брать с них пример.

В августе, в конце восьмидесятых, в полдесятого утра я влез в машину и сразу же почувствовал себя как куриная грудка на сковородке. Я опустил глаза к карте, чтобы определиться с маршрутом, как можно более свободным от туристов и от очумелых на жаре дальноточников. Капля пота с носа упала как раз в точку назначения, Шатонеф-дю-Пап, малый городок знаменитого вина.

За несколько месяцев до этого, зимой, я встретил на вечеринке по случаю помолвки двоих наших знакомых некоего господина по имени Мишель. Первые бутылки, первые тосты... Я сразу заметил, что если остальные вино просто пили, то Мишель следовал личному ритуалу, весьма продуманному и отработанному. Прежде всего он заглядывал в бокал, затем обнимал его ладонью и взбалтывал круговыми движениями. Подняв бокал до уровня глаз, он всматривался в следы турбулентного движения в толще и по краям. Обоняние его участвовало в исследовании наравне со зрением. Вдох, выдох... Еще одно, последнее вращение... и первые капли осторожно принимаются ртом.

Очевидно, что испытания вина на этом не заканчивались, что тестирование продолжается. Мишель жуёт, вытягивает губы, добавляет в рот немного воздуха, полощет рот, добавляет вина... Поднимает взгляд к потолку, втягивает щеки и глотает уже после того, как вино многократно обежало его ротовую полость, как стайер беговую дорожку стадиона.

Он заметил мой внимательный взгляд, ухмыльнулся и изрек:

– Неплохо, неплохо... – Второй глоток он принял уже не так обстоятельно, приветствуя бокал поднятием бровей. – Неплохой год – восемьдесят пятый.

Как выяснилось, Мишель по профессии негоциант, профессиональный дегустатор, покупатель вина и продавец нектара. Его специализация – вина Юга, от «Тавель-Розе» (говорят, любимого вина Людовика XIV) через золотистые белые, тихие и спокойные, и до тяжелых, бьющих по мозгам «Жигонда». Но из всех вин чудом своим, сокровищем своей коллекции, за бокалом которого лучше всего умереть, он считает «Шатонеф-дю-Пап».

По его описанию можно было подумать, что он обсуждает достоинства женщины. Руки его ласкали воздух, в нежном поцелуе касался он губами кончиков пальцев. Он превозносил полнотелость, букет и мощь. Мощь вполне реальную, ибо крепость «Шатонеф» может достигать пятнадцати градусов. А в наши дни, когда Бордо все слабеет и слабеет, а Бургундия по ценам доступна только японцам, Шатонеф – золотое дно. Он предложил мне навестить его погребца и осмотреться на месте. И продегустировать.

В Провансе время между моментом договоренности о свидании и исполнением этой договоренности часто измеряется месяцами, а то и годами, поэтому я не ожидал немедленного приглашения. Зима сменилась весной, весна перешла в лето, лето достигло апогея в августе, наиболее смертельном месяце, когда с пятнадцатиградусным вином забавляться небезопасно. И тут позвонил Мишель.

– Завтра утром, в одиннадцать, – сказал он. – В погребах Шатонеф. За завтраком съешьте побольше хлеба.

Я поступил согласно его совету, в порядке личной инициативы добавив столовую ложку оливкового масла. Соответственно единодушному мнению местных знатоков, это наилучший способ покрыть желудок защитной оболочкой, предохраняющей от ударного воздействия мощи молодых вин. В любом случае я собирался, колеся по извилистым сельским дорожкам, поступать как дегустаторы-знатоки, то есть не глотать, а полоскать рот и выплевывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.